

ВЕСТНИЧЕСТВО ДАНИИЛА АНДРЕЕВА В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ «ЖЕЛЕЗНАЯ МИСТЕРИЯ»

Даниил Андреев вошел в историю русской культуры как философ-духовидец и поэт-теург. Он поднял на новую ступень богопознания «свободную теософию» В. Соловьёва и явился создателем нового духовного учения – интеррелигии Роза Мира. Ее положения получили воплощение в религиозно-философском труде «Роза Мира», книге стихов «Русские боги», драматической поэме «Железная Мистерия», написанных в 1950-е годы (в черновом варианте – во Владимирской тюрьме, где поэт-философ находился с 1947 по 1956 гг.) и образующих своего рода триптих. Если в «Розе Мира» Д. Андреев выступает как духовидец-пророк, несущий человечеству откровение Высших Миров, то в «Русских богах» и «Железной Мистерии» – как поэт-вестник Высшей Реальности. Д. Андреев прояснял: пророк может осуществлять свою миссию «через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни»; вестник же – тот, кто будучи вдохновляем даймоном (то есть ведущим его голосом Неба), «дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющиеся из иных миров» [2, с. 174]. Вестничество близко к понятию художественной гениальности, так как именно в такой форме наиболее сильно действует на людей, однако полностью с данным понятием не совпадает, поскольку не все гении были вестниками и не все вестники – гениями, иногда – просто талантами (хотя и это немало). Например, в Мухаммеде Д. Андреев видит прежде всего гениального поэта, но считает, что именно пришедший ему дар поэтического воображения несколько увлек его в сторону от неукоснительно прямого религиозного пути.

В вестничестве искусство как форма духовного творчества синтезируется с религиозной философией, выступая как теургия – богосотворчество.

Свой творческий метод поэт-философ определяет как метареализм, или сквозящий реализм, различающий через слой физической действительности другие – иноматериальные или чисто духовные слои бытия – и предполагающий прозрение в потустороннее, что позволяет, по словам Д. Андреева, познать сущность мира. В данном отношении он выступает как наследник не только В. Соловьёва, но и младосимволистов Вяч. Иванова, А. Блока, А. Белого, М. Волошина, разделявших представления метафизики о наличии потусторонней, чисто духовной реальности как онтологически первичной и вечной и нацеленных на мистическое богопознание и богореализацию.*

Во В. Соловьёве Д. Андреев видел великого духовидца, который был «восхищен» в один из наивысших слоев инобытия и пережил откровение Мировой Женственности, но, не находя в религии европейского круга предварения «такого духовного опыта, Соловьёв не смог остановиться ни на чем, кроме гностической идеи Софии Премудрости Божией» [2, с. 194]. Продолжения искания этого философа**, как и постановка вопроса о связи идеи Софии с православным учением не получили. Понимание же «Софии как условно-символического выражения Логоса, Христа» [2, с. 194] Д. Андреев считает абсурдом, разрабатывая собственную концепцию Мировой Женственности, многое меняющую в догматическом богословии.

Рассуждая о христианстве, Д. Андреев констатирует, что это не столько религия Троицы (что постулируется), сколько религия Бога-Сына, что видно уже из ее обозначения – христианская.*** Традиционное богословие в Троицу включает Бога-Отца, Бога-Сына и Дух Святой. Но в этом есть противоречие: «Бог Святой Дух

* Впитал также Д. Андреев идеи платонизма, эзотеризма, русского космизма, отчасти славнофильства, отмечают исследователи его наследия.

** Так считал Д. Андреев, потому что работы эмигрантов в СССР в период создания «Розы Мира» не были известны.

*** Первоначально последователи Иисуса не называли себя христианами и духовную основу своего сообщества – «Х<ристианством>». Данные словоформы в презрительном смысле использовались язычниками для характеристики Церкви и ее членов. Впоследствии же, поскольку Х<ристианство> оказалось фундировано искупительной жертвой Христа, термин «Х<ристианство>» конституировался в контексте эволюции Христианской Церкви в статусе самоназвания» [8, с. 901].

именно и есть Бог-Отец, ибо Бог-Отец и не может быть кем-либо иным, как Святым и Духом»; поэтому, по Д. Андрееву, это «два наименования одного и того же – первого лица Пресвятой Троицы» [2, с. 120]. Второе – Бог-Сын. А вот третья ипостась Троицы у Д. Андреева женская: Мировое Женственное начало, Вечная Женственность, без которой полнота Бога-Отца в Троице была бы не абсолютной, да и эманациям ее в разных слоях инобытия, космического и земного бытия неоткуда было бы взяться. Вот почему «идея Мировой Женственности не может не перерасти в идею Женственного аспекта Божества...» [2, с. 120]. Единство Божие поэт-философ не подвергает сомнению, но напоминает: «Ипостаси – это различные выявления Единой Сущности вовне; это то, как открывается Она миру, а не какою пребывает в Себе. Но выявления вовне столь же абсолютно реальны, как и пребывание в Себе» [2, с. 121]. Существо Троиединого – любовь. Каждая из таящихся в Боге непостижимостей «обращена любовью на другую, и в этой любви рождается третья: Основа Вселенной. Отец – Приснодева-Матерь – Сын» [2, с. 121]. Конечно, это божественная любовь, не сводимая к прямым земным аналогам. Однако андреевская концепция во многом меняет представление об общей картине мироздания, метаистории и истории. Известные эпохи на Земле поэт-философ условно называет мужскими – в них ложно понятая мужественность превращала мужчину «в свирепого захватчика, в кичащегося своей грубостью драчуна, в помесь индюка с тигром» [2, с. 124]. Под подлинной человеческой женственностью Д. Андреев предлагает понимать «сочетание сердечной теплоты, внутреннего изящества, нежности и способности повседневно жертвовать собой ради тех, кого любишь...» [2, с. 124]. И наличие таких качеств поэт-философ связывает с деятельностью Сил Света, конкретнее – с низлиянием сил Приснодевы-Матери в нашу брамфатуру* и их отражением на Земле.

* Брамфатура – система разноматериальных слоев, которыми обладает каждое небесное тело и в которых протекают общие процессы, и основной из них – процесс борьбы Провиденциальных и демонических сил.

Первым в Новое и Новейшее время Д. Андреев, таким образом, выступил против восторжествовавшего на Земле со сменой матриархата – патриархатом маскулинизма и дискриминации женщины, проникших и в мировые религии **, начал отстаивать идеи, родственные феминистским, но на уровне Божественного, метаисторического, сверхисторического, что высоко поднимало статус женщины. Но, подобно тому, как в Троице у Д. Андреева мужское и женское начала уравновешены, должны быть они уравновешены и на Земле.

Великое Женское Существо, выражение Женственной ипостаси Троицы, – вот что в мистическом видении явилось В. Соловьёву, но не было разгаданное им. У Д. Андреева Пресветлая и Благая наделяется именем Звента-Свентана. Он оговаривает, что земной язык не может вполне адекватно передать звучание слов Высшего Мира: «каждое такое слово обладает как бы аккордом звучаний, аккордов значений и сопровождается, кроме того, явлениями световыми. Приблизительно смысл имени Звента-Свентана – «Светлейшая из светлых и Святейшая из святых» [2, с. 124]. В определении Д. Андреева Звента-Свентана – «великая богорожденная монада, выразительница Вечной Женственности, Невеста Планетарного Логоса, сошедшая с духовных космических высот в верхние слои Шаданакара около полутора столетий назад и долженствующая принять просветленное (отнюдь не физическое) воплощение в одном из затомисов человечества» [2, с. 274]***. Постоянное пребывание Звен-

** Согласно возникшим суевериям, женщина считалась связанной с нечистой силой в гораздо большей степени, чем мужчина.

*** Планетарный Логос у Д. Андреева – «Великая Богорожденная монада, выразительница Бога-Сына, божественный разум нашей брамфатуры, древнейшая самая первая из всех ее монад, выразившаяся в человечестве Иисусом Христом и возглавляющая подготовку нашего мира к смене эонов. Планетарный Логос – вождь всех сил Света в Шаданакаре» [2, с. 274].

Шаданакар у Д. Андреева – «собственное имя брамфатуры нашей планеты. Состоит из огромного числа (более 240) разноматериальных слоев, инопространственных и инновременных» [2, с. 274].

Затомисы у Д. Андреева – «высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны, опора народоводительствующих сил, обители синклитов» [2, с. 274].

Синклиты в философии Д. Андреева – «обитающие в затомисах метакультур сонмы просветленных человеческих душ» [2, с. 274].

ты-Свентаны – Мировая Сальватэра. Это у Д. Андреева – вершина и сердце Шаданакара, наивысшая «из его сакуал, состоящей из трех миров: обители Планетарного Логоса, обители Богоматери и Звенты-Свентаны» [2, с. 274]. Оттуда предстоит Светлейшей из светлейших и Святейший из святейших спуститься в один из верховных градов метакультур. Там ей предстоит родиться в теле из просветленного эфира – это будет дитя демиурга и одной из Великих Сестер, в дальнейшем выясняется – Яросвета и Навны. Яросвет Д. Андреева – «богосотворенная монада, один из великих демиургов человечества, народоводитель Российской метакультуры» [2, с. 275], Навна же – «богорожденная монада, одна из Великих Сестер, Идеальная Соборная душа Российской метакультуры» [2, с. 274]. Рождение это отразится на Земле как появление Розы Мира и распространение данного учения по всей планете, верит Д. Андреев.

Мистическая Роза – один из центральных символов учений о духе, особенно эзотерических. В суфийской поэзии роза – символ Божества, в «Божественной комедии» Данте – символ единения просветленных душ в раю, в Средние века нередко роза – символ совершенства, в западной теолого-философской традиции – символ Богородицы, в алхимии – символ мудрости, возрождения в духе, у франкмасонов – символ света, любви, жизни, у розенкрейцеров – Божественный свет Вселенной, в каббалистике – символ Солнца Божества. «Вижу ее – мою розу – мировую нетленную чистую розу – лучезарно-мистическую. Христос наше солнце» [3, с. 528], – формулировал А. Белый. Христос-Богочеловек у него – вторая ипостась Софии: сотворенно-идеальная и прообраз обоженного человечества будущего – Богочеловечества. Мировая же Роза Д. Андреева – Звента-Свентана. Д. Андреев видит приметы долгожданного спуска и усиливающегося ее влияния в том, что на Земле возрастает «всеобщее стремление к миру, отвращение к крови, разочарование в насильственных методах преобразований, возрастание общественного значения женщины» [2, с. 124–125]. Поэт-философ предвидит цикл эпох, «когда женственное в человечестве проявит себя с небывалой силой, уравновешивая до совершенной гармонии самовластие мужских начал» [2, с. 125].

Приближение и осуществление заветных чаяний человечества требует создания нового, универсального учения, способного объединить и повести за собой людей. Его и разрабатывает Д. Андреев, назвав Роза Мира.

Роза Мира, по Д. Андрееву, – «грядущая всехристианская церковь последних веков, объединяющая в себя церкви прошлого и связующая себя на основе свободной унии со всеми религиями светлой направленности. В этом смысле Роза Мира интеррелигиозна или панрелигиозна. Основная ее задача – спасение возможно большего числа человеческих душ и отстранение от них опасности духовного порабощения грядущим противобогом» [2, с. 274].

Разные лепестки – религии, как правило, разделяющие человечество, становятся в Розе Мира единым духовным цветком, сближающим людей, осознавших, что Солнце Мира – Бог – един, просто с разной степенью приближения к истине постигается на разных этапах развития человечества* разными народами, и Роза Мира вбирает в себя накопленный духовный опыт, являясь интеррелигией. На ее основе должна, согласно Д. Андрееву, возникнуть интеррелигиозная, Всечеловеческая Церковь новых времен, Церковь Розы Мира, которая духовно объединит людей Земли. Но в отличие от предыдущих религий у нее не только духовные, а и социально-исторические задачи, и ближайшая цель – «преобразование государства в братство, объединение земли и воспитание человека облагороженного образа» [2, с. 12], более же глобальные – просветление всех сфер бытия, включая природу, развитие скрытых возможностей человека, таких как левитация, телепортация и т.п.

* В этом Д. Андреев шел от В. Соловьева, мечтавшего о воссоединении католичества и православия и утверждавшего: «...Все религиозные формы суть лишь различные, более или менее ограниченные фазисы одного и того же религиозного содержания, так равно и множественность философских систем есть лишь необходимое условие для последовательного и многостороннего развития одних и тех же умственных начал; если, таким образом, в высшем конкретном единстве исчезает кажущееся противоречие внутри религиозной сферы и внутри сферы философской, то, однако, всё еще остается раздвоение между религией вообще и философией вообще, двойственность веры и разума. Правда, это раздвоение существовало не всегда. Так... можно вспомнить, что в лучшие времена христианства лучшие его представители соединяли искреннюю веру с философским глубокомыслием...» [9, с. 17].

нии ограниченный тьмою» [4, с. 201]. Белый цвет при таком подходе – символ воплощения полноты бытия (значит, и добра), черный – символ небытия, зла, серый – смесь того и другого, воплощение небытия в бытии, придающее последнему призрачность, желто-бурый – первое сияние, разрезающее мрак: свет с налетом серой пыли, красный создается отношением белого светоча к серой среде, и он двойственен: 1) красный адский огонь, 2) цвет крови, каковой можно этот огонь-пожар загасить: багряница страданий (кровью Агнца убеляются ризы), розовый – смесь красного с белым: символ мечтательности, синий – соединение тьмы с золотом, голубой – бóльшая степень просветления тьмы светом: лазурь небесная. Эти символы, по А. Белому, мистические – в них сквозит Вечное. Аналогичное наблюдается в «Железной Мистерии».

Музыкальное сопровождение в драматической поэме включает в себя всё многообразие звуков XX века – от взрывов бомб до ангельского пения. Основной принцип композиции у Д. Андреева – симфонизм, также уже апробированный символистом А. Блоком.

Вначале в поэме преобладает темное, во всяком случае – далекое от золотого; в финале же всё залито неизъяснимо прекрасным светом. Музыка, акцентирующая дисгармонию земного бытия, завершает «Железную Мистирию» просветленными, неземного звучания аккордами.

В произведении огромное количество действующих лиц. В их числе и люди, и небесные силы, и души людей, и стихии, и демоны и другие представители мира зла. Объекты воображения, представления, постулаты верований, феномены, постигнутые духовидением, яснослышанием, через откровение, мечты «материализуются», выступают на равных с реальностью, что максимально расширяет масштабы изображаемого. Перед нами, пусть и концептуализированный, но «весь мир» в его различных пространственно-временных измерениях.

Сюжет драматической поэмы насыщен множеством событий, отражающих в своей совокупности незримую, идущую с незапамятных времен борьбу между Богом и Противобогом, силами света и тьмы. Господь у Д. Андреева отнюдь не бездеятелен, к нему стягиваются все нити осуществляемого противоборства, и Он укрепляет

силы праведников и подвижников, направляет людей, по словам Д. Андреева, к чему-то более совершенному, чем добро, и более высокому, чем блаженство. И обретшие бессмертие в «Железной Мистерии» под его влиянием не пассивно блаженствуют, ничего не делая, а во всех иерархиях ведут напряженную духовную работу по просветлению бытия. Вместо статичных идиллических изображений Рая у Д. Андреева в Небесах господствует подлинный апофеоз творчества – Богосотворчества. Так, в состоянии творения находится у Д. Андреева слой общечеловеческой метакультуры – з а т о м и с А р и м о й я . Структура воссоздаваемого мира у Д. Андреева – не только горизонтальна, но и вертикальна и от Земли – ввысь имеет ступенчатый характер, что перекликается со строками М. Волошина:

Мир – лестница, по ступеням которой

Шел человек.

<...>

И каждая ступень

Была восстаньем творческого духа [5, с. 248], –

что, в свою очередь, отсылает к памятнику аскетической назидательной литературы – «Лестнице» Иоанна Лествичника.

Д. Андреев создает мистирию нового типа, в основе которой – не библейская мифология, а мифофилософия Розы Мира. Ее положения излагают в развернутых монологах близкие автору по духу персонажи. В произведении множество понятий, не имеющих адекватов в человеческом языке и впервые вводимых Д. Андреевым для обозначения открывшихся ему в мистических трансцендентальных странствиях измерений и явлений потустороннего мира. Это, например, Мировая Сальватэрра, Звента-Свентана для обозначения силы света, уицраор^{*}, Гагтунгр^{**} – для обозначения сил тьмы. Автор также активно использует различные разновидности религиоз-

* В «Кратком словаре терминов», имеющемся в «Розе Мира», говорится: «У и ц р а о р ы» – могущественные, разумные и крайне хищные существа, обитающие в слоях, смежных со шрастрами. С точки зрения человека, это – демоны великодержавной государственности. Их очень немного» [2, с. 274].

** «Г а г т у н г р – имя планетного демона нашей брамфатуры. Он обладает тремя лицами, как и некоторые другие из крупнейших иерархий. Первая ипостась Гагтунгра – Великий Мучитель Г и с т у р г , вторая – Великая Блудница Ф о к е р м а , третья – великий осуществитель демонического плана У р п а р п , называемый иногда Принципом формы» [2, с. 273].

но-философской и литературной лексики, придающие стилю поэмы интеллектуальную насыщенность, в целом ряде случаев – патетичность, а, с другой стороны, – разговорные обороты, просторечье, эвфемизмы, отражающие стихию жизни, ее бездуховное начало.

Чтобы придать изображаемому впечатление грандиозности, мощи, Д. Андреев прибегает к редкому в XX веке размеру – гиперпеону, который чередует с тактовиком и акцентным стихом.

Кажется, никто так широко, как Д. Андреев в «Железной Мистерии», не использовал в русской поэзии XX столетия диссонансную рифму, по преимуществу именно тогда, когда речь идет о явлениях дисгармоничных, персонажах антидуховных («смуту – смету», «всхлипа – склепа», «триста – тресте», «Кашмир – кошмар» и др.). Когда же речь идет о Высших иерархиях, автор стремится дать ощущение гармоничности и в основном прибегает к точной, полнозвучной рифме, причем еще может утраивать созвучия («сознания – сострадания – созиданья»). Такой же подход наблюдается и в использовании имен собственных: когда они обозначают силы зла, в них есть что-то режущее, неприятное для слуха: «Гагтунгр», «Друккаррг», «Жругр», тогда как имена собственные, представляющие силы добра, мелодичны и как бы даже поются: «Сальватэрра», «Аримойя», «Навна».

Д. Андреев использует полиметрию, лишаящую стихотворную речь монотонности. В поэме сменяют друг друга ритмы молитвы, благовеста, проповеди, оды, марша, народной песни, частушки, плача, элегии и т.д., порожденные стилизацией этих жанровых форм. Через полиметрию и полистилистику врывается многообразие жизни и переживаний персонажей.

Сам жанр мистерии (традиционно – религиозной драмы, возникшей на основе литургического действия) у Д. Андреева существенно обновляется. Во-первых, прилагаемый к слову «мистерия» эпитет «железная», да и разворачиваемые автором картины, полемичны по отношению к представлениям античности о «золотом веке» в прошлом, у начала человеческой истории. «Железный» век – единственная, по Д. Андрееву, реальность, которую всегда знало человечество. Синонимы эпитета «железный» здесь – «же-

стокий», «беспощадный», «бесчеловечный» (у А. Пушкина, например, говорится: «Везде бичи, везде железы» [7, с. 258]). Но заложено в понятии мистерия и его эзотерическое значение: в переводе с греческого μυστήριον – «тайнство» и означает скрытую, внутреннюю сторону религиозного учения, тайное знание, носителями которого являются Великие Посвященные, Пророки, Реформаторы, поддерживающие и распространяющие живой дух религии, какую можно назвать «историей *единой всемирной вечной Религии*» [10, с. 5]. И такое скрытое оккультное значение заложено в названии поэмы, причем у Д. Андреева к финалу оно обнажается.

Особенно сильно, по представлениям поэта-философа, русских людей всегда терзали два зла: государственной тирании и все разрушающей анархии, сметающей все плоды культуры и цивилизации. В метаисторической концепции поэмы первое из них олицетворяет уицраор российской государственности Жругр, а дикую, стихийную, необузданную разрушительную силу – Велга, заточенная глубоко в земле, ибо ее боится сам уицраор и весь Друккар (местопребывание дьяволочеловечества).

Во «Вторжении» идет речь о последних днях самодержавия в России. Недовольство людей своим положением передает «шум множества» за стенами города; во дворце же Августейшего происходят хлыстовские радения. Император (Николай II) рассчитывает только на хлыстовского «Саваофа» (Распутина), от какового исходят перебегающие inferнально-синие огни; ничего в стране не меняется. Но и продуманных позитивных программ изменения жизни нет. Об этом говорит у Д. Андреева пребывающий в монастыре Прозревающий, который не без труда улавливает голос своего Даймона:

Демон грозный

и мелкий бес нам

Ложь нашептывают всё лукавее [1, с. 19].

Свержение самодержавия символизирует зигзагообразный луч, пронизывающий на миг глубину Нижнего слоя: там Старый Жругр, направлявший существующую власть, претерпевает муку отпочкования – «рождения» жругритов: Бледного, Бурого, Багрового, Чёр-

ного^{*}, которые пожирают своего отца, и олицетворяют власть на Земле над представителями различных политических сил, ведущими в 1917 г. борьбу между собой. Каждый из них отстаивает интересы лишь какой-то социальной группы, а не всего населения России и готов добиваться своего ценой насилия, что порождает Гражданскую войну. Вот почему, несмотря на известные отличия, «человекоорудия» жругритов у Д. Андреева по большому счету не отличаются между собой. В драматической поэме в их лозунгах проакцентировано общее:

Багровый :

Кто не со мной, против меня.

Пролетарьят – в бой!

Бледный :

За неделимую, жарко любимую

Отчую Родину – в бой.

Бурый :

За всенародный праздник свободный,

Доктор, учитель, рабочий в бой.

Черный :

Иродов новых вымучим в ковах

Вольница, в бой! [1, с. 33].

Трактовка эпохи Революции и Гражданской войны у Д. Андреева близка той, которую давали М. Волошин, в цикле «Северовосток» писавший о разгуле бесов на просторах России, и Вяч. Иванов, в философском цикле «Человек» уподобивший противников в Гражданской войне двойникам.

Победа самого свирепого из «человекоорудий» жругритов – Багрового – сопровождается у Д. Андреева вспышкой тусклопунцового языка огня над ним, великим радением, напоминающим дьявольский шабаш в подземном капище, и предостережением де-

* Цветовое обозначение персонажей-жругритов у Д. Андреева восходит к фигурам всадников Апокалипсиса: первым для провидца на острове Патмос «промчался Черный – эра господства иерократии на феодальной основе. Теперь довершает свой путь всадник второй, Красный: каждый поймет, что таится за этим символом. Ждем и уповаем на всадника Белого – Розу Мира, золотой век человечества! Появления последнего всадника, Бледного, не отвратит ничто: Гагтунуг добьется рождения в человеческом облике того, кого он пестует уже столько веков» [2, с. 124] (=Антихриста).

миурга России Яросвета о том, что Багровый избран самим Гагтунгром и грядет

Власть человека Противобога [1, с. 38].

Игвы, представители дьяволочеловечества в Нижнем слое, надеются прорваться вверх, в трехмерное пространство, вызывают:

В мир человеческий, в город бурный,
Сквозь толщи, ввысь,
Струись, незримый, инфра-пурпурный
Дух игв, струись!
<...>

Рассудок наций взмани к химере
И тайной будь! [1, с. 51].

Новый уицраор России общается со своим Жрецом на Земле, каковой воздействует на нового Правителя-Вождя (Ленина). Поэтому, с одной стороны, звучат голоса масс:

Он мечту превратил в быль! [1, с. 53], –

с другой же, воспроизводятся действия Жреца уицраора:

– Мозг уже никелирован...
– Совесть в железный саван...
– Нервы теперь из кварца...
– Не поддалось лишь сердце... [1, с. 53].

В результате теперь в Правителе – твердость и холод металла и все меньше человеческого; мозг поражен, но душа еще жива. Поэтому столь противоречивы его действия. Вождь готов начать мировую революцию-войну на Земле, чтобы освободить трудящихся от страданий, но не принимает во внимание моря крови, которые это вызовет:

П р а в и т е л ь :

Войско подошло
К камню рубежей.
Там – еще редут
Тьмы.
Труженики ждут
Бурь и мятежей;
Их освободим
Мы.

«социализм любой ценой». Думающих не только об общественном, но и личном благе обличают:

Еще немало среди нас
В мечтах сосущих ананас [1, с. 76].

Однако сквозь строки поступает информация о материальном неблагополучии масс, что подтверждает и сцена очереди за продуктами, когда задние, боясь, что им не хватит, сминают передних. На официальном же уровне предпочитают говорить лишь об успехах и достижениях.

Агитатор и Жрец захваливают Автомат, именуют его величайшим в галактике, властелином диалектики, превозносят (правда, по-идиотски) достигнутые при нем успехи:

Увидев наш
рай простой,
Сдох бы с зависти
Толстой [1, с. 91].

Между тем поминаемый рай у Андреева – нарисованный, существующий на плакатах, но говорить об этом запрещено. Размеры Автомата, однако, превышают уже пятиэтажный дом, он может раздавить любого и тем не менее опасается покушений, замуравывая себя в Цитадели.

Своей важнейшей задачей Автомат считает борьбу с духовностью и с теми, в ком жива идея Бога-добра. Зримое воплощение эта борьба находит в сцене разрушения Собора (намек на снесение храма Христа Спасителя в Москве). Автор прибегает к антропоморфизации, изображает каменное строение как живое, каковое стремятся умертвить. Воспроизводится «протяжный крик раненого колокола» [1, с. 71], сброшенного на асфальт. С огромной болью пишет об этом Д. Андреев. В «Розе Мира» он отмечал, что национальная духовная интуиция русского народа с XI по XVIII вв. выражала свое представление о «мире ином» («затомисах»), главным образом, на языке зодчества: «Это – архитектурный ансамбль, осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольней, вокруг него – сонм часовенок

и малых церквей; далее – палаты, службы и жилые хоромы и, наконец, кольцо могучих защитных стен с башнями» [2, с. 130]. Этот мотив достигает «своего апофеоза в Кремле Московском» [2, с. 130]. Архитектурный ансамбль перерос в первенствующий символ, в синтетическое отражение трансмифа, в каменное подобие “Града взыскуемого”» [2, с. 130]. Поэтому разрушение храма Христа Спасителя получает в «Железной Мистерии» зловещую символическую форму. Всё, связанное с христианством, осквернено.

Не умалчивает поэт-философ и о гонениях, которым подвергались верующие, обрекаемых на мученичество. Самые стойкие из них уходят у Д. Андреева в катакомбы, куда уносят священные реликвии. Они молят о помощи «блещущий Синклит русский». * Синклит, по Д. Андрееву, – средоточие духовного опыта, накопленного за время существования метакультуры. Синклит русский у автора «Железной Мистерии» обитает в Небесном Кремле – столице Небесной России (Святой Руси). Здесь находятся самые чистые, одухотворенные души. В Синклит Небесной России, по Д. Андрееву, вступили Лесков, Римский-Корсаков, Ключевский, Гумилёв, Волошин, Рахманинов,

* В «Розе Мира» говорится:

«Превыше сакуалы Трансмифов пяти верховных религий – о них я уже говорил как о пяти исполинских пирамидах как бы из светящегося хрустала разных цветов – вздымаются, объемля весь Шаданакар, неопишуемая сакуала Синклита Человечества, состоящая из семи сфер. Моря сияющих эфиров ... блистающих красками, непредставимыми даже для синклитов метакультур, омывают в этих мирах сооружения, которые так же отдаленно можно было бы уподобить светящимся громадам гор, как и сооружениям невообразимой архитектуры...

Избранные из избранных, составляющие ныне Синклит Человечества, числом своим не превышают, кажется, тысячу человек. Уже не имея человеческого, в нашем смысле слова, облика, они добровольно принимают высшее, просветленное его подобие, когда спускаются в нижележащие его слои» [2, с. 108]. К Элите Шаданакара Д. Андреев относит Эхнатона, Зороастра, Моисея, Осия, Лао-цзы, Гаутаму Будду, Махавиру, Ашоку, Чандрагупту Маурью, Патанджали, Нагарджуну, Самудрагупту, Канишку, Шанкру, Аристотеля, Платона, всех апостолов, кроме Павла, Титурэля, Марию Магдалину, Иоанна Златоуста, Августина, Франциска Ассизского, Жанну д'Арк, Данте, Леонардо да Винчи.

За время существования русского затомиса через него в Синклит Мира поднялись, согласно Д. Андрееву, «Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Антоний и Феодосий Печерские, летописец Нестор, дружинник Сергей – автор “Слова о полку Игореве”, Александр Невский, Сергей Радонежский, Андрей Рублев, Нил Сорский, Ломоносов, Александр Благословенный, Амвросий Оптинский, Серафим Саровский» [2, с. 66].

Ближе остальных к трансформе, позволяющей войти в Синклит Мира, по Д. Андрееву, М. Лермонтов, В. Соловьев, император Иоанн VI, Т. Шевченко, П. Флоренский.

А. Павлова, С. Булгаков, Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, царевич Алексей, на особую высоту в Небесной России взошли Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой, А.К. Толстой, Достоевский, братья Аксаковы, Витберг, Кутузов, гравёр XVIII в. Чемезов. Кто-то еще проходит через очищение, дабы занять свое место в Синклите. Сигналы, поступающие из Небесной России, помогают выстоять не подпавшим под власть утвердившейся в стране идеологии и морали, оставшихся верными Богу.

Таков в «Железной Мистерии» Мальчик (позднее – он же – Неизвестный Юноша – Молодой человек), наделенный даром духовидца, гения и вестника. В силу своего необыкновенного дара Мальчик у Д. Андреева предназначен для будущего духоводительства. По мере взросления герою поэмы являются знаки его особого предназначения. После беседы на холме с Прозревающим ему на секунду мистически открывается панорама инобытия и картина подземного мира. Не сравнимый ни с чем (как говорится в ремарке) океан света внезапно озаряет то, что обычно скрыто, и на миг разверзаются пучины под великим городом и небесные выси. «Храмы Небесной России блещут на воздушных вершинах золотом, белизной, синевой, а внизу распахиваются лилово-черные, багрово-желтые миры уицраоров и античеловечества. Над глыбами подземной крепости видится лазурное свечение плененной там Соборной Души, а кто-то невыразимо могущественный проносится в высоте массою белого света, среди которого полыхают пламена, еще более ослепительные» [1, с. 80]. Потрясенный Мальчик слышит голос своего Даймона:^{*}

Космос России мгновенно объемь,
Помни о нем и расти:
Толпы и толпы в заоблачный Кремль
Ты предназначен вести [1, с. 80].

Мальчик ошеломлен приоткрывшейся ему тайной бытия, растерян, не уверен, что сумеет увиденное передать другим:

Что это? Боже, нет слов в языке,
Нету понятий таких... [1, с. 80].

* После трансцендентального ясновидения это акт трансцендентального яснослышания.

Но Даймон его наставляет, укрепляя веру в себя:

Будут. – Как светоч во властной руке
Станет твой огненный стих [1, с. 80].

Во власти сил зла представлена у Д. Андреева Соборная Душа Российской метакультуры – Навна. Она пленена «в глыбах государственности», содержится «в цитадели великодержавного демона, уицраора» [2, с. 65] и ждет своего освобождения, а это связано с необходимостью нарастания духовности и противодействием Противобогу и его слугам. Всё более явственно ощущает это подрастающий Мальчик.

Созревание будущего вестника осуществляется в крайне трудное для России время. Утвердившийся в стране тоталитаризм достиг своей максимальной мощи, чему в «Железной Мистерии» соответствует символическое увеличение Автомата до размеров небоскреба. Используя фантастическую условность, гротескное заострение, сюрреалистические образы, Д. Андреев показывает, в какой степени изуродованы за это время люди. Так, в сцене парада перед читателем / зрителем проходят человекоподобные существа с циферблатами вместо лиц, аппаратами психопросвечивания и громкоговорителями вместо голов. Прибегая к буквальной реализации метафоры «безголовые люди», автор показывает, что под циферблатами и аппаратами нет ничего либо же под ними – кровавые блины. На свой лад Д. Андреев отразил появление массовых людей и массовых обществ как характерную примету XX века. Первостепенная роль в их омассовлении принадлежит идеологии, что отражают воспроизводимые призывы:

В мозг
тыщ
вбей
штамп [1, с. 111] и др.

Тут Д. Андреев явно пародирует ритмику и стиль позднего В. Маяковского, абсудизируя само содержание стиха (правда, как видно из главы «От автора», раннего В. Маяковского с его болью за всех обиженных поэт-философ высоко ценил). В школах и на рабо-

те при Автомате нянчат отпрысков великой химеры; людей не выпускает из своих объятий стальной Левиафан, превращая их в утлые молекулы чудовищного государственного организма.

Когда за сюрреалистическими персонажами у Д. Андреева прибывает черный корабль – своего рода ладья Харона, доставляющая в загробный мир, они приходят в ужас, пытаются убежать, срывают с себя циферблаты и аппараты и оказываются живыми трупами без голов. Дается следующее авторское объяснение этому: головы у них «духовным сифилисом // Насквозь изъедены и прокажены» [1, с. 103], от них осталось пустое место.

Силы Неба приходят на помощь людям, стремятся вдохнуть в них божий дух, направить по пути гуманизации жизни. Этому способствуют их избранники на Земле. Звучит молитва, обращенная к Приснодеве:

В духовном поле ростки посева
Учи нас холить, о Мать-Дева! [1, с. 72].

Прозревающий разъяряет Неизвестному Юноше (бывшему Мальчику) замысел Высших Иерархий по преобразению человечества. Звучат слова:

Увидишь скоро: улавливает
Наш дух, доверяясь снам,
Как братство и вождь Синклита
В Небесном Кремле уготовливают
Эпоху, сходящую к нам.
Выходят живые посланцы
Тех стран по эфирным отрогам –
Светильники будущих дней, –
Затеплены Господом-Солнцем [1, с. 111].

Одновременно предпринимаются усилия ослабить зависимость людей от сил зла. Так, Яросвет ударом светового меча обрывает связь Автомата с его inferнальным прародителем и вдохновителем. Это действие сопровождается физической смертью вождя (Сталина) в Среднем слое, представленном в мистории. Луч среди тьмы просверкнул для людей, но только луч, а тьма еще не рассеялась. В этих условиях начинается борьба за футляр Автомата, в который

сначала забирается Старший Жрец и Наместник (Берия), погубивший многих титанов; однако он оказывается побежденным другим Претендентом на руководящую роль, менее запятнанным (Хрущёвым). В стране объявлена «либерализация» вместе с тем новый правитель заявляет:

Чур – прошлого не порочить,
Лишь эту скотину хаять [1, с. 130], –

то есть основы самого государственного устройства остаются неизблемыми, идеология – прежней, все преступления списываются на умершего. В аллегорической форме в поэме отражена начавшаяся борьба со сталинизмом, сопровождавшаяся сильными колебаниями политической линии, отражавшими живучесть сталинистско-тоталитарного наследия. У Д. Андреева душа Сталина, погружаемая на Дно вселенной, пытается вырваться оттуда и воцариться в Друккарге – шрастре Российской метакультуры, обиталище античеловечества, а затем снова подняться наверх, и ей чуть было это не удается. От нее исходит огромная зловеющая сила, ибо у Д. Андреева Сталин – воплощение Антихриста. Лишь ангелы и даймоны, ставшие стеной, преграждают Автомату путь назад, то есть останавливают социально-политический реваншизм сталинистского типа.

В обществе, не скрывает автор, появляются новые веяния, в том числе потребность возродить духовность (веру в Бога), хотя власть этому препятствует, церковь же себя скомпрометировала сотрудничеством с тоталитаризмом. Да и сами постулаты православия (и не только православия) после всего пережитого, выстраданного кажутся думающим верующим узкими, обветшалыми, так как не нацеливают на единение со всеми религиями светлой направленности, оставляя верное толкование Божественного лишь за собой. Об этом верующим, спасающимся в крипте, говорит Молодой Интеллигент:

Противоречив и двойственен
Наш долг среди этих груд:
Физическое содействие –
И крестный духовный труд.

Но затхлость старых конфессий
Нам тоже слишком узка.
Порой от чада и плесени
Тоска... такая тоска! [1, с. 139].

Андреевский персонаж спорит с ортодоксально мыслящим священнослужителем – человеком честным, но ограниченным, догматически мыслящим, однако переубедить его не может. Никто из присутствующих не знает, какой же должна стать новая вера, способная духовно объединить людей всех наций и рас, и кто создаст новую религию, подобно тому как Будда создал буддизм, Зороастр – зороастризм, Христос – христианство, Магомет – магометанство, но – религию, воплотившую идеал всеединства, которую будут способны принять все народы Земли.

Прозревающий приводит к оставшимся верными Богу, но пребывающим в растерянности людям Неизвестного Юношу и объявляет: это тот, кого они ждут:

Он – ваш; он – узник; но нет другого,
Кто б дар тройной через жизнь
нес,
Тая в волшебных ларцах слова
Итог всемирный
своих грез [1, с. 139].

Недоверие верующих к совсем еще молодому и никому не известному человеку рассеивается, когда они становятся свидетелями общения Юноши с Даймоном и трансфизических / трансцендентальных путешествий его духа. Даймон по уступам сводит героя до «кладбища духа на дне, в аду», с одной стороны, и возносит к вершинам метакультур, с другой. Через него спасающиеся в крипте слышат голоса Навны, демиурга Яросвета, поднимаются духом к Храму Солнца Мира в Небесном Кремле.

По-видимому, в этой сцене предполагалось использование средств кинематографа, ибо через трансцендентальное духовидение Неизвестного Юноши присутствующие возносятся все выше и выше, видят ослепительные поля, леса, блистающий город из света,

слышат музыку гармоний. В Небесном Кремле Ярсвет созывает на совет Синклита святителей, угодников, праведников, входящих в Плерому Вселенской Церкви; его зов обращен и к творцам и гениям, заслужившим пребывание в Небесных селениях (в том числе прибывают рыцарь-монах (В. Соловьёв) с духовным мечом-лучом, а из писателей – Пушкин, Достоевский). Ярсвет говорит о необходимости решительно противостоять силам Нижнего слоя, освободить Соборную Душу России и настроить на это – через духовидцев – людей на Земле. За помощью обращаются к Богу-сыну, именуемому «Мироздания Лозой Нетленной», а также «Примиряющим» (поскольку, вочеловечившись, Он примирил (в Себе) Плоть и Дух). Наиболее волнует присутствующих в Небесном Кремле дилемма: как быть, если борьба с мощью «воинств багровых» настолько ослабит их подземного предводителя – российского уицраора, что верх над ним возьмут уицраоры других стран, «ярких во зле» и направляющих к войнам собственные народы, ведь кровь – их пища; они не только растерзают на клочки Россию, каковую уже не раз пытались завоевать, но, сражаясь между собой, всю планету повергнут во мрак, ибо таков «демонический план». И всё же перевешивает стремление Россию спасти, хотя все понимают, какие невероятные трудности ждут впереди. Надежды возлагают на помощь Планетарного Логоса – Христа и Девы – Матери Вселенной, пребывающих в Мировой Сальватэрре. К ним обращаются с молитвой. Всё это у Д. Андреева сопровождается цветосветовыми эффектами с мистической символикой и музыкой, напоминающей церковно-ангельские песнопения. Тем самым автор настраивает читателя / зрителя на возвышенно-божественные переживания.

Одолеть зло, рассеять мрак рассчитывают силой света, который несут в себе и которым хотят напитать человеческие души. По примеру состава Синклита Мира, где представлены создатели всех мировых религий, людям на Земле предполагают передать новое откровение – откровение экуменического типа, но еще более универсальное.

То впереди
Предвозвещённое
блаженство праведных
на всей земле,
Гряди! гряди! [1, с. 169].

Всё это впитывает посредством прозрения в потустороннее
Неизвестный Юноша. Он же прозревает и адские бездны, где лишь
разорванные в клочья дыма души, а ниже Нижнего слоя – мрак, куда
попадают полностью утратившие души, еще глубже – дыры в про-
странство галактик, где ждет неподвижный миг предельной муки.
Видение того, какая страшная посмертная участь ждет погубивших
себя служением злу, позволяет Неизвестному Юноше яснее осознать
необходимость принятого в Небесном Кремле решения, ибо, убеж-
ден он, как ни тяжела гибель человека на Земле, вечная погибель
страшнее. Познавший высшее знание, герой переживает новое рож-
дение духа и избран Синклитом на водительство людей на Земле
под знаком Розы Мира. Звучит голос Великого Посвященного:

Духом пронизанный,
К вести помазанный,
Чист пред судом,
Стал нашим братом,
Венчан Синклитом,
К власти введом [1, с. 197–198].

Неизвестный должен указать людям путь возрождения после
сокрушения уицраора российской государственности и уицраоров
других государств, донести до них идеалы Розы Мира. Синклит
напутствует его словами:

Ты – тот, кто принял в зените ночи
Весть о грядущем с высот
дне.
Ты утвердишь мировой град свой –
Не гнет державный, но мощь
скреп,
Что свяжут мир круговым
братством,
Живым, как воздух,
простым, как хлеб [1, с. 173].

Ранее сомневавшиеся в возможностях Юноши люди из крипты признают в нем своего учителя. Общее мнение выражает Священнослужитель:

ему вручено водительство;
Им мерцает сам рай в глаза нам,
Ибо в странных речах – свидетельство
О надмирном
и несказанном [1, с. 140].

Неизвестный становится для приверженцев духовным окном, через которое они различают и невидимое глазу – происходящее в Вышнем и Нижнем мирах, познают метаисторический смысл совершающегося. Всё это он доносит до людей не только через свои речи, но, главным образом, – через свою поэзию. Она насыщена мистическими видениями космической борьбы во всех мирах, получающей свое преломление и на Земле; и в то же время слово Неизвестного – меч духовный в борьбе за добро.

В «Железной Мистерии» чередуются сцены земной жизни и потусторонних событий.

В СССР тем временем нарисованными картинами всеобщего благополучия хотят уставить гряды гор, чтобы ввести в заблуждение Запад. На картинах же – пейзажи рая. С ранних лет миф о превосходстве СССР над всеми другими странами внушается детям – существам незрелым, доверчиво его впитывающим:

И ребяташки, в цветах играя,
Наветам взрослых в противовес
Кричат: спасибо, ка пэ эс эс! [1, с. 203]

Воспроизводя аббревиатуру «КПСС» в произносительном варианте и разделяя отдельные морфемы пробелами, автор акцентирует в КПСС черты «эсэс», указывая тем самым на тоталитарный характер власти в стране, только с иным идеологическим обоснованием, нежели в поверженной Германии. Поэтому, хотя у Автомата теперь маска с улыбающимся лицом (власть несколько смягчилась), незримо он по-прежнему связан со Жругром. Подобным образом обстоят дела и в других странах. Их уицраорам после окончания Второй мировой войны не хватает крови, и обстановка на планете очень напряженная.

В метаисторическом плане это отражает в «Железной Мистерии» сцена грызни в Нижнем слое демонов государственности разных стран. Объединившиеся уицраоры США (Стэбинг), Англии (Устр), ФРГ (молодой Укурмия) рвут союз с Гагтунгром и, рассчитывая полностью подчинить себе мир, нацеливают свои «человекоорудия» на войну с единственной державой, способной им противостоять, – СССР.* Свой милитаризм агрессоры привычно оправдывают демагогией о необходимости защиты свободы и демократии.** Вот как описано в «Железной Мистерии» начало «освобождения» Западом России: внезапно происходит страшный толчок земли, оседают горы пограничных рубежей, гигантская трещина проходит через город, из нее вырывается кипящий поток, подобный лаве, который заливают всё вокруг. Параллельно в подземный Друккарг врываются войска игв из других шрастров и побеждают российского уицраора, сбрасывая его на Дно. Друккаргу пытаются помочь Ангелы мрака с темно-серыми ликами и рубиновыми крыльями, но им преграждают путь Даймоны и Серафимы, призванные Яросветом. Идет напряженная борьба, силы Синклита проясняют ярус за ярусом.

В Среднем слое в это время царит паника, так как к войне СССР оказался не готов. Хотя государственный одописец восхваляет действия власти и, как всегда, словословит:

Великий гимн великим спет народом.
Великий вождь вершит великий план.
В великий день великая свобода
Зальет, как солнце, наш победный стан [1, с. 214], –

* Намек на Фултонскую речь У. Черчилля (США, 5 марта 1946 года) с призывом объединения военной мощи Великобритании и США в их «крестовом походе» против коммунизма, пока СССР еще не окреп после только что закончившейся войны и не имеет ядерной бомбы. После неудачи закулисных переговоров, уже в качестве частного лица, «Черчилль публично предложил США РАЗДЕЛ СССР...» [6, с. 356]. Возможно, у правительств Великобритании и США было и промежуточное решение: «СССР остался бы в границах 1939 года, при этом Восточная Европа и Китай поступили бы в общее распоряжение Англии и США» [6, с. 356] (касательно Восточной Европы это со временем и произошло). Но без войны, в которой СССР был бы побежден, этого добиться было невозможно.

Великобритании, во всяком случае, удалось втянуть США и СССР в гонку вооружений, так что призрак возможной войны продолжал культивироваться.

** Это типичный предлог лидеров Запада для вторжения в другие страны, спародированный Д. Андреевым.

стихи Д. Андреева явно пародийные, с назойливой тавтологией. На самом деле происходит иное: Город стерт с лица земли. Стоит еще лишь Цитадель, которую разгневанный народ порывается разгромить, но Цитадель, облаченная в броню, расстреливает людей. Только после рассечения в Нижнем слое демиургом сердца Жругра на мелкие куски удается расколоть на части Автомат. Оттуда «выторкивается» несколько дымных образований, похожих на огромных насекомых. Выкрики персонажей:

Вот он, вурдалак! Вот он!

Кровью наших душ питан! [1, с. 227], –

позволяют понять, что перед нами кровососущие насекомые, только очень большие и пугающие. Такова природа тоталитарной власти в восприятии Д. Андреева. Уничтожение Автомата символизирует падение тоталитарного государства. Но далось оно ценой таких страшных разрушений и потерь, что и радости особой нет.

Среди причисляющих себя к «освободителям» есть и «изгнанники» (эмигранты), ставшие коллаборационистами и заявляющие: «С России смываем пятно сатаны // Кровью» [1, с. 221]*; но они сами оказываются орудием сатаны-уицраора, только чужеземного, и вызывают у Д. Андреева презрение. «Я отрицаю этику бомб!» [1, с. 224], – как бы отвечает им поэт-философ устами Молодого интеллигента.

Как реальность настоящего Д. Андреев описывает возможное будущее – Третью мировую войну, тем самым предупреждая о ее недопустимости.

В поэме, хотя уже нет Автомата, осталась армия, призванная защищать оставшихся в живых. Она оснащена термоядерным оружием, поэтому Цитадель еще стоит. В безнадежно-отчаянном положении армия, реализуя имеющуюся военную доктрину, отвечает нападшим водородными бомбами. В метаисторическом плане происходящее проясняют действия Верховного Игвы** в Нижнем мире.

* Намек на позицию З. Гиппиус, Д. Мережковского, И. Сургучева, Г. Иванова, некоторых других эмигрантов в годы войны.

** Игвы у Д. Андреева – «главная из рас античеловечества. Высокоинтеллектуальные демонические существа обитатели “изнанки миров” – шрастров» [2, с. 274].

Так как Ярсветом с со-товарищами токами света уже «сдвинуты капища», и конец главного демона античеловечества в Друккарге предрешен, перед смертью он в злобе выплескивает пламя на Энроф*, чтобы тот стал безжизненным. Великие города мира дематериализуются. В отместку уицраор Устр вырывает у себя сердце и заливает его кровью капище демона Друккарга – оно сгорает. Земля расседается, из трещины города поднимается исполинский туманный гриб (говорится в ремарке). Гриб принимает черты Велги, вырвавшейся на поверхность. Велга у Д. Андреева – олицетворение хаоса. Войска международной коалиции, зверея, хотят всё сжечь напалмом, хотя звучат в этой среде и милосердные голоса, поскольку

Нерасторжимо здесь с добром

зло

спутано,

В один рыдающий комок

сплошь смотано [1, с. 233], –

всё за годы тоталитаризма в стране перемешалось между собой, и могут пострадать невинные. Это тем не менее не останавливает уицраора-«освободителя» Стэбинга, заявляющего:

Но Цитадель – прочна, как твердь! Враг

жив.

Пред ним робеет даже смерть... [1, с. 233].

Добиваясь победы любой ценой, Стэбинг вырывает свое сердце и бросает его в Друккарг. Пламя во много раз усиливается, уничтожая слой, в котором пребывало античеловечество России, чему на Земле соответствует бомбардировка Цитадели водородными бомбами. Молния сверхъестественной силы поражает Цитадель; и прежде, чем она окончательно испепелится, внутри разлома на миг мелькает контур чудовищного змея с подобием лица. Можно предположить, что автор имеет в виду саму идеологию, на которой держалась не только власть, но было пропитано в стране чуть ли не всё, поскольку

* Энроф, по Д. Андрееву, – «имя нашего физического слоя – понятие, равнозначное понятию современной астрономической вселенной» [2, с. 274–275].

эта идеология обосновывала необходимость исторического насилия для создания лучшего мира. Нестерпимую для глаз вспышку огня сменяет в «Железной Мистерии» непроглядная тьма, затапливающая весь Средний слой. Тьма символизирует у Д. Андреева не только разрушение цивилизации, воцарившиеся голод, холод, отсутствие элементарно необходимого для жизни, но и состояние человеческих душ, ибо с падением российской государственности власть над многими взяла Велга, взвихрившая «дурную Русь»; отсюда – царящая анархия, рост проституции, преступности, даже людоедства. На фоне мрака у Д. Андреева проступают занесший Землю снег, огни костров, у которых греются бездомные. Имитируются частушки постапокалиптического времени, передающие падение нравов, глумление над традиционными ценностями. Например:

Я милого-хорошего
Изрезала на крошево [1, с. 236], –

частушка сигнализирует о том, что люди безумеют от голода и потому творят непотребное, взаимоуничтожают друг друга.

Речи о том, что зато уничтожен тоталитаризм, никого не утешают, ибо стало не лучше, а еще хуже: возникла проблема самого выживания. Да и погибших никто не вернет. Об этом говорит потерявшая во время войны ребенка женщина-мать впрямую обвиняющая «демократических» завоевателей в маске освободителей и их приспешников:

Глянь-ка в обугленный этот сарай!
Видишь? Молчишь?
Понял, Иуда, что всякий ваш рай –
В крови до крыш?

Всё по частям собрала, стерегу,
Складываю на песочке:
Правую ножку найти не могу,
В синем носочке [1, с. 237].

Рыдания потерявших близких дополняют горькие высказывания о разрушении культуры: больше нет фресок Рублева, Кремля, Акрополя, Рима с его шедеврами архитектуры и живописи; вместо это-

го – культурный вакуум. Не так уж много осталось и от природы. Такова цена лжеправды и лжесвободы, под знаком которых была развязана самая страшная на Земле бойня.

Такой видится Д. Андрееву Третья мировая война, показанная аллегорически. Ее изображение – посредством использования гротескно-фантастической образности – сопровождается выявлением подоплеки происходящего: это – борьба за мировое господство. В данном отношении противоборствующие стороны ничем не отличаются друг от друга: сознают они это или не сознают, – направляемы у Д. Андреева дьявольскими силами, помутнившими умы. Результат – самый опустошительный, ужасный, а оставшиеся все-таки в живых пребывают как бы на всепланетарном пепелище (так и назван Акт 10 – «Пепелище»).

Введением в «Железную Мистерию» жанра антиутопии Д. Андреев предупреждает о недопустимости Третьей мировой войны, в которой настоящих победителей быть не может, не исключена и полная гибель человечества. Автор дает возможность читателю / зрителю как бы своими глазами увидеть мировой кошмар – и отшатнуться от него, нацеливает на мирное сосуществование различных общественно-политических систем, сколь ни чужды они друг другу. Также он выступает за запрет использования термоядерного оружия, способного уничтожить саму жизнь на Земле.

Деятельность сил света у Д. Андреева, однако, несмотря ни на что, продолжается и в ужасающих послевоенных обстоятельствах.

Демиург Яросвет в блистающих одеждах добирается, наконец, до заточенной в Нижнем слое Навны, дабы полностью её освободить. После уничтожения Друккарга над рухнувшими стенами дьяволочеловеческой цитадели-каземата появляется голубое сияние, в каковом намечается абрис женского образа. Соборная Душа Российской метакультуры говорит музыкой и после плена как бы не сразу приходит в себя. В ней сильно осознание своей вины за то, что создала некогда род уицраоров как щит от внешнего врага, этим завязав узел великой исторической трагедии. Она страдает, и через музыкальное звучание, каким Навна отвечает Яросвету, про-

ступает идея искупления – ею одержима Соборная Душа России. Оба сознают, что Душа страны освобождена, а тело – нет. Чтобы помочь Навне и напитать ее духовными силами, Ярослав идет на самопожертвование – направляет световое оружие на себя, совершая действие, сходное с рассечением груди. Оттуда исходят светящиеся волны, заполняющие все измерения пространства, тогда как сам демиург медленно поникает ниц и становится неподвижным. Навна же, склонившись над ним, собирает часть этих струй в нечто, подобное эфирной чаше. Она сходит в магму сверхтяжелую – туда, где томятся души мучителей народных, и еще глубже – в инфракрасные пещеры, где находятся души растлителей народного духа, и выливает на них свет из чаши. Он заполняет все Нижние слои Российской метакультуры. Возникает как бы золотой туман – его образуют мириады живых искр, отделившихся от материальности страдальцев и начинающих медленный подъем наверх. Сердце Навны становится звездой. На сцене, комментирует автор, не видно больше ничего, кроме необозримого множества золотых искр, роящихся в голубом свете, и сияющей звезды в его средоточии. Звезда поднимается все выше и выше, и золотые искры, вступая в новую цепь воплощений, вплетаются в Душу Соборную. Достигают места, где распростерт Ярослав, и Один из Великих Владык Света влагает в грудь демиурга сияющую звезду. Это ведет к его, если так можно выразиться, воскрешению. Демиург Российской метакультуры и ее Соборная Душа восходят из глубин в Небо. За ними следом плывет золотой туман.

Описанное Д. Андреевым – акт духовидения мистически одаренного мальчика, на которого повлиял Неизвестный Юноша. Последний возмужал, окреп духом и принял имя Экклезиаст (в переводе с греческого – проповедник), врачующий души людей. Самое грозное наследие, полученное в результате Третьей мировой войны, – «п е л л и щ е д у х а » [1, с. 251]: люди в массе своей уже никому, ничему и ни во что не верят, дичая всё больше и больше. Экклезиаст действует и практически: окружает себя детьми-сиротами, о которых заботится, которых учит добру. К тому же он призывает

милосердную Девушку и Молодого интеллигента. Но Девушка хочет воздействовать на взрослых:

Внушить им отвращенье ко дну,
Будить духовную жажду [1, с. 240].

В бараке, куда она пришла с этой целью, Девушка изнасилована и убита. Тем самым автор показывает, насколько расчеловечены люди и как трудно что-либо изменить. Тем не менее у Экклезиаста появляются помощники и сотрудники, которые становятся воспитателями духа народного. И начинают с детей и подростков. Благодаря наставничеству формируется новое, одухотворенное поколение. Оно следует заповеди любви ко всему живому, дружит со стихиями, ему «внятно певучее море // культур // и метакультур» [1, с. 254]. Намечается реформа школьного образования. Забрасываются новые идеи и в мир взрослых. Так, предлагается смягчить законы, принять крест забот и о стане вражьем – и на него, а не только на соотечественников изливая

Свет и жар любви
целительный [1, с. 241].

Вопреки всему неблагоприятному у Экклезиаста всё больше последователей, и это неудивительно. Его речи – это стихи гениального поэта, образ жизни – святого, и, помимо того, он наделен даром вестничества: пронизанный идеалами Розы Мира, в своих стихах несет их людям, призывает к Богосотворчеству, дает надежду на лучшее будущее. Многие издеваются над Экклезиастом, называют его откровения «гнилой мистикой», но силой своего таланта, просветленным вестничеством, подвижнической жизнью герой Д. Андреева завоевывает все новые сердца:

Он прост, как Ганди, остер, как Шоу,
И всепрощающ, как сам Франциск [1, с. 250], –

говорят об Экклезиасте в народе. Его авторитет растет. И это в то время, когда в связи с начавшимся возрождением жизни в страну хлынули иностранцы – на верхушках бараков и руин вспыхивает неоновая реклама, появляются различные соблазны, на которых

прибывшие зарабатывают, но от духовности далекие. Всё же принять за смысл жизни потребление мыслящие русские отказываются, опасаясь паралича духа, и в то же время не могут определиться, какой должна стать «русская идея» в посттоталитарном обществе. Даже те из них, кто ценит в Экклезиасте поэта, полагают, что зря он в своем подвижничестве опирается на религию, поскольку

Век детских религий прожит [1, с. 258].

Знакомый последователя Экклезиаста, Архитектор, говорит:

Он – гений слова, не спору.

Но он опоздал. Людей

Не взманят на подвиг

зори

Религиозных идей.

Мне слишком ясна единичность

Таких чудаков, как вы.

Вот в этом – его ограниченность

И – обреченность, увы! [1, с. 257].

Однако Экклезиаст у Д. Андреева и сам осознает, что время «детских религий» прошло*, и предлагает принципиально новое, универсальное учение для «повзрослевшего» человечества, вбирающее в себя всё ценное, что накоплено в этой сфере людьми, и в то же время открывающее безбрежные перспективы совершенствования. Оно не замыкается в себе, а берет на себя глобальные задачи переустройства мира, включая социально-политические. Так, в одном из выступлений, убежденный в том, что пережившие Третью мировую войну осознали пагубность раскола человечества и противостояния наций, Экклезиаст призывает к единению:

Подобно лунам в новолуние

Переменился знак времен:

Уже готовы слиться в унию

Кто победил,

кто побежден [1, с. 258].

* См. в «Розе Мира»: «Все существующие вероисповедания оказались способными лишь к сохранению древнего содержания и древних форм» [1, с. 255].

Традиционно уния (от *лат.* unio – единство, объединение) – союз государств либо объединение церквей. Из истории известно, что далеко не всегда подобные объединения были добровольными, справедливыми, равноправными. Так, русский народ не принял Лионскую унию 1274 г. и Флорентийскую унию 1439 г. об объединении католической и православной церквей под эгидой римского папы, тогда как Речи Посполитой, например, была навязана соответствующая – Брестская уния 1596 г. Уния, о которой идет речь у Экклезиаста, и добровольная, и равноправная, и церковно-государственная – с той, однако, поправкой, чтобы над принципом **д е р ж а в** восторжествовал принцип **б р а т с т в а** , а

Глубь государства просветлить
Что может ярче, как не этика? [1, с. 250].

Другими словами, этический принцип во взаимоотношениях и народов, и отдельных людей признается первостепенным. Сам же этический принцип должен основываться на

Вечной Женственности
и духовности [1, с. 259], –

а путь «Маратов и Савонарол» отвергается. Марат здесь олицетворяет путь революционного насилия, Савонарола – церковных инквизиций, для Д. Андреева неприемлемых.

Не случайно государственную власть в предыдущих актах «Железной Мистерии» у поэта-философа олицетворял Автомат. «Сущность государства есть бездушный автоматизм» [2, с. 246], – констатировал Д. Андреев. «Люди, воплощающие государственную власть на всех ее ступенях, в большинстве формальны, черствы, сухи, холодны. Изжить бюрократизм нельзя ни административными мерами, ни призывами к совести... Система Розы Мира будет готовить кадры всемирного государства так, чтобы отрицательные качества заменить их противоположностями. Чтобы всякий, обращаясь к представителям власти или входя в учреждение, встречал не бюрократов с профессионально притупившейся от монотонной службы способностью сочувствия и участия и не односторонних фанатиков, пекущихся о соблюдении лишь государственных инте-

ресов, но братьев» [2, с. 248]. Вдвойне важно высказанное соображение в многонациональном и полирасовом сообществе.

Для начала предлагается объединение трех ветвей христианской религии и трех Европ (Западной, Восточной, Российской), позднее же – всего земного шара. Автор «Железной Мистерии» словно продолжает А. Блока, утверждает идеи всечеловеческого братства:

Зоркость германства
и жар романства
Слив с широтой славян,
Контуром тройственного христианства
Мы окаймляем
наш стан.
<...>
Тягу ко всечеловеческим зорям
Вдвинем в сердца [1, с. 261].

Изображаются демонстрации поддержки идей христианской унии и создания Соединенных Государств Европы. Звучат лозунги: «За союз трех Европ»; «Блистай, // наш сверх-Рим, // Тремя сверх-народами» [1, с. 260]. Созывается съезд разных наций, возводится Дворец Христианских народов. Происходит объединение европейских стран в свободную конфедерацию, призванную пребывать под эгидой наивысочайшей этики.* Ее столицей избрана Москва. Город заново отстраивается. Отовсюду льется музыка. Люди поют:

Да станет мир раем на деле:
Без тюрем – и без Цитадели [1, с. 263]

и молятся:

– О всенародной стезе бескровной!
– Без войн, без казней, без диктатур...
– Без жертв неистовых –
к равноправной
Семье народов! Церквей! Культур! [1, с. 268].

* На подобный шаг Роза Мира «будет иметь право лишь при соблюдении нормальных демократических процедур и лишь располагая большинством голосов во всех странах»; «надо предположить, что решающий акт будет иметь форму, схожую с каким-нибудь референдумом или плебисцитом» [2, с. 248–249].

Принимаются декларации о необходимости полного разоружения мира,* утверждение социальной справедливости, праведности как главной нравственной ценности. Этому должны служить воспитание метакультурности, привитие духа ненасилия, формирование человека облагороженного образа. Находятся, естественно, и недовольные, считающие разоружение России уловкой Запада, чтобы над ней восторжествовать, в благородство его намерений не верящие. Другие, напротив, думают, что возвращается несбывшийся «коммунистический бред»-утопия и предлагаемая программа неосуществима. Им отвечают:

– Совсем не то. <...> Без жертв.
Наш флаг –
лишь социальная гармония [1, с. 270].

Стремятся привить терпимость и к верованиям других, в духе положений Розы Мира разясняя:

Все веры – только лепестки
Единого цветка духовности [1, с. 277] –

и объединяет их общая задача:

Смысл всего добра,
И крошечного, и огромного,
Еще неавственный вчера,
Есть воля к в ы с в е т л е н ь ю
т е м н о г о [1, с. 278].

В соответствии с этим проводят религиозную реформу, неотрывную от нравственно-этической.

Под знаком Розы Мира предполагается утвердить культ «Единого, культ Солнца Мира» [2, с. 256]**, культ Приснодевы-Матери

* Д. Андреев предвидит появление рано или поздно Министерства разоружения, так как работа предстоит колоссальная. Всеобщая демилитаризация высвободит огромные суммы денег, на которые будут проводиться реформы, в том числе по повышению материального благосостояния людей.

** Мифологему «Солнце Мира» (Бог-Отец) Д. Андреев трактовал в трех ее значениях: как воплощение «великого жизнетворческого духа», как отчее лоно, «из которого изошло телесное существо всей Земли и всего земного» и как образ – подобие Всевышнего [2, с. 256]. Цветовая символика, которая может быть присвоена этому образу, – золото.

и ее выражения на Земле – Звены-Свентаны^{*}, культ Бога-Сына, Иисуса Христа^{**}, однако по сравнению со старым (историческим) христианством творчески преобразенный, так как из него 1) будет устранен древний иудаистский элемент, 2) займет свое место повествование о духовно-творческой деятельности Христа после трансформы – вознесения^{***}, 3) гораздо больше внимания будет уделяться таким мировым перспективам, как царство и гибель Антихриста и грядущее «тысячелетнее царство», 4) последующим задачам человечества, обозначенным в Розе Мира.

Все эти три иерархии, все три культа, согласно Д. Андрееву, «должны быть едиными для всего человечества». Но сверх того, «учение Розы Мира обладает такими аспектами, каждым из которых она обращается только к одному сверх-народу, к людям одной культуры» [2, с. 258], ориентируясь на его специфику, дабы подготовить к всечеловеческому служению. «Отсюда – неизбежность четвертого культа и четвертой иерархии Розы Мира». <...> Для народов России, например, «этот культ будет россианским» [2, с. 258].

Краеугольная плита нового учения в формулировке Экклезиаста такова:

Высшее, вольное Бого-сотворчество [1, с. 284].

Ученик Экклезиаста, ныне Министр культуры, восклицает:

Я с детства верил в этот час,
Молил в слезах об этом миге я,
Когда затеплится меж нас
Интер-культура, сверх-религия! [1, с. 285].

В крупных городах мира возникнут, согласно Д. Андрееву, очаги духовной культуры. «Это – архитектурные ансамбли: остью каж-

* Цветовая символика второй ипостаси Бога – образа Приснодевы-Матери – голубая или синяя.

** Цветовая символика образа Бога-Сына – белая.

*** В «Розе Мира» читаем: «Спаситель и Его великие друзья, в неустанной борьбе с силами Противобога, преобразили целые системы миров во всех метакультурах, из кругов вечных страданий превратив их в чистилища... Невозможно забыть также, что планы таких миров, как Небесная Россия, романо-католический Эдем, Византийский Рай, Монсальват, сотворены великими духами» [2, с. 257] под воздействием Христа. И эта работа, по Д. Андрееву, продолжается.

дого из них является храм Солнца Мира, окруженный венцом меньших святилищ» [2, с. 251], появятся «Мистериалы, медитории, театры, музеи, религиозно-философские академии и университеты, галереи, философиаты, храмы синклитов, храмы стихий и стадионы» [2, с. 251]. «Рукой», протягиваемой навстречу силам Света, станут молитва – «уединенная беседа души с Богом» и богослужение – соборная молитва, «наполняющая каждую отдельную душу ощущением всеобщей гармонии» [2, с. 254]. Через таинство примут божественную благодать. Благодаря появлению ансамблей с четко выраженной религиозной символикой богослужения в праздники приобретут грандиозный размах – верующие заполнят все площади перед культовыми зданиями, с большей силой ощущая свое единение.

Для выражения чаяний, которые овладевают всё большим числом людей, автор использует словововещства, делая библейские имена собственные нарицательными:

Побороть эту буйную к а и н н о с т ь ,
Нераскаянность!
Мы хотим мягкосердия, а в е л ь н о с т и ,
Правильности! [1, с. 278].

Показательно, что даже преступников в России будущего у Д. Андреева не наказывают трудом, а «лечат», как больных «в смысле поврежденности этической структуры души» [2, с. 247]. «Лечат» гуманитарным знанием, чтением книг, произведениями искусства, надеясь, что под их влиянием в преступившем черту возникнет раскаянье о содеянном. «Ну и конечно, тюрьмы как форма наказания навсегда отойдут в прошлое» [2, с. 247] – они не исправляют преступника, а лишь изолируют его на время от общества.

На основе культа Вечной Женственности повышается роль женщины в обществе. Внедряется бережно-благоговейное к ней отношение как к лучшему для мужчины дару. Но и женщины должны соответствовать лелеемому идеалу. Вот что наиболее ценит в них Д. Андреев:

Прощенье, ласка, нежность, жертвенность,
Самоотдача и тепло –

В одном священном слове
женственность –
Всё общий символ обрело [1, с. 279].

Основательница женских общин нового типа призывает в поэме эмансипированную русскую женщину нести любовь и милосердие, смягчая мужские сердца, но и не игнорировать быт:

Другое, странное, особое
У нас посланничество есть!
Во дни науки, ставшей ужасом,
В дни революций, войн, расправ,
Чтоб человек не стыл наруже сам,
Согреем жизнь, уют ей дав [1, с. 279].

Права в обществе у мужчины и женщины равны, но только вместе они образуют цельного человека, порождающего новую жизнь, и должны помнить об этом, не претендуя на доминирование одного над другим. И в семейных отношениях нужно стремиться к гармонии, без чего ее не будет и в социуме.

Д. Андреев меняет взгляды на плотские отношения мужчины и женщины, свойственные христианству, и, если они основаны на любви, оправдывает их, пишет: «...Великая аскетическая эра, так жестко и сурово отпечатавшаяся на историческом христианстве, привела к тому, что брак и деторождение были освящены таинством, но высшим состоянием продолжало считаться иночество. Правильнее сказать, что брак и деторождение терпелись поневоле – и только. Есть некое, не всеми сознаваемое противоречие в обрядах, когда благословение на брак испрашивается у таких инстанций духовного мира, которые как раз оправдывают, как прямейшую дорогу к ним, безбрачие и самоограничение. А инстанции христианского мифа именно таковы» [2, с. 256].* У поэта-философа идет речь именно о творчестве любви, творчестве семьи, творческом подходе к воспитанию детей и осеняющей таковых благодати.

Не забыта у Д. Андреева и природа. Культ Розы Мира включает у него и поклонение Великим Стихиялям и Матери-Земле как

* Подробнее об этом см. [2, с. 256–257].

священному достоянию человечества (так, Д. Андреев считал очень полезным ходить босиком по земле, впитывая исходящую от нее целительную энергию). Но поэт-философ в «Железной Мистерии» выступает не только как защитник природы, а и как проповедник ее просветления. Он заявляет о себе как сторонник идей Н. Фёдорова и некоторых других русских космистов (в поэзии – В. Хлебникова, Н. Заболоцкого) о необходимости развития зачатков «грубого сознания» у животных, застопорившегося из-за вмешательства в природные процессы человека. Через высказывания персонажей Д. Андреев призывает отказаться от трупоедения (поедания мясной пищи), стать друзьями «братьев меньших», просветить и просветлить их, дать им язык. Чем-то напоминает «Сон солдата» в «Торжестве Земледелия» Н. Заболоцкого появляющееся в поэме высказывание:

Цивилизацию стеречь
поручим зайцам, зебрам, сумчатым [1, с. 178].

Дружба же с деревьями и другими растениями превратит со временем планету в цветущий сад, внушает автор. «Под природой-садом, – разъясняет Д. Андреев, – я разумею превращение больших районов, а потом и всей поверхности суши в чередование парков горных, парков луго-лесных, обрабатываемых при помощи высшей техники полей, заповедников девственной природы, резерваций для животных, городов-садов и сел-садов, – с тем чтобы не только жизнь человечества, но и жизнь животного царства, растительного царства и стихий поднять до возможной гармонии, а мировой ландшафт возвести на высокую художественную ступень» [2, с. 245].

Описываемый город будущего у Д. Андреева – весь в парках и садах, это как бы город-курорт. Отсутствие же в нем машинно-механического объясняется, как представляется, верой поэта-философа в осуществившуюся перенаправленность цивилизационных устремлений на развитие сверхспособностей самого человека, наподобие описанных в оккультизме, так что экстериоризированные механические «протезы» людям не понадобятся. Сжатое обобщение вышесказанного находим в «Розе Мира»:

«...Пафосом тех эпох будут возрастание духа любви – во-первых; творчество, точнее, Богосотворчество во множестве видов и форм – во-вторых; просветление природы – в-третьих; разрушение преград между физическим миром и другими мирами – в-четвертых; радость жизни, кипящей и в Энрофе, и во многих других мирах, – в-пятых; и высшие формы богопознания – в-шестых» [2, с. 242]. Человека облагороженного образа будут отличать жажда знания, навыки самостоятельного мышления и интеллектуальной независимости, преклонение перед явлениями Г л у б о к о г о , В е л и к о г о , П р е к р а с н о г о , В ы с о к о г о , «вседневное ощущение жизни как мистерии» [2, с. 242].

Автор «Железной Мистерии» отнюдь не предполагает, что преобразования будут происходить легко и безболезненно, не вызывая противодействия фанатиков своих одномерных идей. Да и давление старых привычек и нравов (эгоизма, ненависти, пошлости, бескультурья) он не сбрасывает со счетов. Д. Андреев создает, например, узнаваемую фигуру приспособленца-перевертыша – Ректора, который при любом повороте истории, будучи совершенно беспринципным, в корне меняет свои убеждения и всегда умудряется занять высокий пост. Более того, у Д. Андреева есть и описание путча, устроенного скрытыми противниками Экклезиаста во время его отсутствия в городе. На балкон захваченного здания на площади выходит предводитель путчистов в одежде, которая в лучах солнца кажется металлической, что напоминает футляр Автомата. Эта деталь служит указанием на ретоталитарный характер путча. Однако толпу умело сбивают с толку и, испытывая растерянность без направляющей ее силы, она рада, что обрела вождя. Умело виляет в этих обстоятельствах Глава Ареопага (непотопляемый Ректор): он и хвалит Экклезиаста перед любящей того толпой:

не являл еще рок
Нигде, никаким временам,
Чтоб гений, праведник и пророк
Так мощно слились в одном [1, с. 284], –

и одновременно, подлаживаясь к новому вождю, упрекает Экклезиаста за

Дружество с теми, чья власть веками
Не исправляла мир [1, с. 284], –

а поскольку Учитель как бы пропал, скрытно наводя на него тень подозрения (в измене).

Однако один из ближайших сотрудников Экклезиаста – Индус в состоянии глубокого трансозерцания прозревает в тонкоматериальных слоях трех небожителей с блещущими ликами и в струящихся светом одеждах, которые, окружив Учителя, возносят его на Небо, чтобы он мог присутствовать на эпохальном событии: бракосочетании демиурга Яросвета и Соборной Души России – Навны в Небесном Кремле и принятии ими в лоно своё Звенты-Свентаны – выразительницы Вечной Женственности, «кому величанием гремят грядущие дни» [1, с. 286]. На Земле это событие должно отразиться «как появление Розы Мира» [2, с. 274]. Глашатаем свершившегося и призван стать Экклезиаст. Над сошедшимся у Великого Собора множеством просветленных раскрывается как бы звуковой проем вверх. Голоса демиургов, преломляясь трижды: в сознании Экклезиаста, в сознании Индуса, пребывающего в мистическом трансе, в сознании молча обступивших его на Земле, торжественно вещают:

Нисходит сквозь брак ваших воль
в мир
Женственность [1, с. 288].

Брачующиеся вступают в Храм Солнца Мира. Облака над Храмом становятся совершенно розовыми, всё сияет. Один из присутствующих озвучивает совершающееся:

Женственность Мира
из сердца вселенной
Льется в них волнами токов благих,
Плоть свою обретая нетленную
В Дочери их [1, с. 290].

Присутствующий при великом метаисторическом событии Экклезиаст, преисполненный благоговения, стоит на коленях и в общий хор вливает свое славословье:

Т о й , что нисходит с верховных вершин
К нам, облакаясь плотью и кровью [1, с. 290].

Сверху сходит, как бы миллионами душ принята,

Радость! Божественная Красота! [1, с. 290].

Всё пронизывают волны невыразимого сияния. Проступают святилища различных религий, каковым предстоит претвориться в интеррелигию – Церковь грядущего, эпохи Розы Мира. Свет проникает в их глубину, заливая золотом, а это – цвет Солнца Мира. Звучит как бы космическая музыка-благовест.

Преисполненный литургического ликования, Экклезиаст поднимается духом всё выше и выше, словно по невидимой лестнице, и достигает Мировой Сальватэрры, как бы получая благословение Божественного Разума на водительство народов. Поскольку он уже вознесся над Небесной Россией, на сцене его не видно, но слышно восклицание подвижника:

Вижу тебя, Иисус! [1, с. 291].

Значит, он весь пронизан божественным светом и отныне воспринимается как посланник Небес всё воспринимавшими через мистическое прозрение в потустороннее Индуса-медиума людьми. Отныне авторитет Экклезиаста абсолютен. Как отражение благовеста в Небесном Кремле звучат колокола всех церквей на Земле. Если ранее Экклезиаст проповедовал идеалы Розы Мира, находившие все больше сторонников, готовил переход к новому эону* в жизни человечества, то теперь празднуются результаты плебисцита (от *лат.* *plebiscitum* – решение народа) по принятию человечеством интеррелигии и утверждению новой Церкви на планете. В окружении руководителей Лиги народов появляется Экклезиаст. В руках его – Голубая Роза – символ восторжествовавшего учения Роза Мира, над головой – золотой нимб, символ святости, но учитель – слеп – «от лучей Эмпирея» [1, с. 292], – говорят в толпе. На него смотрят с восхищением, так как духовного зрения Экклезиаст не утратил, силен духом как никогда и говорит «как власть имеющие». Помимо того, он обрел способность творить чудеса: когда Экклезиаст поднимает Голубую Розу над людьми, волны невыразимого света за-

* Эон – большой мировой период в истории человечества.

хватывают всё большие круги народа. Это зримое выражение просветления, какое несет Учитель людям. Он провозглашает:

Воплотилась Экклезия!

Мир мирам! <...>

Затеплилась высшая

Церковь веры всемирной [1, с. 293].

На вопрос, в чем отличие объединенного идеалами Розы Мира человечества от содружеств былого, Экклезиаст отвечает:

Негасимую радостью

Всем живущим со-празднование,

Неустанною бодростью

Всем сердцам со-болезнование!

Прозорливую мудростью

Всем народам со-верчество!

Целокупною щедростью

Солнцу Мира со-творчество! [1, с. 293].

Главным оказывается принцип всечеловеческой соборности, любви к ближнему и дальнему, преодолевшей государственные, расовые, национальные, религиозные границы, групповой и индивидуальный эгоизм, – братско-сестринской по своему духу и побуждающей к богосотворческому преображению бытия. Люди действительно должны стать «детьми Солнца» – Солнца Мира. Не случайно у Д. Андреева в речи Экклезиаста настойчив повтор слов с приставкой «со-», служащей для обозначения совместности, близости, соединения, к тому же подчеркнутой дефисом: «со-празднование», «со-болезнование», «со-верчество», «со-творчество». Родственную функцию исполняет и повтор слова «всем», указывающего, что имеется в виду всё человечество.

Символизирует единение стран и народов Земли в поэме и «голографическая» символика: на сцене сквозь рассеявшийся туман проступают Великий Белый Горный Конус, а в отдалении – вершины других конусов (бывших мировых религий), которых уже коснулись первые лучи солнца, и, загибаясь радужной аркой, соединяют вершины между собой. По всей планете проносится вздох то ли изумления, то ли благоговения и восторга (говорится в ремарке),

выливающийся в слова: «С нами ликуют ангелы!» [1, с. 294]. С возгласами: «Вали границы!» [1, с. 294] – границы на разных материках ликвидируют. Происходящее воспринимается как великий праздник. Людям разных рас и национальностей хочется обнимать и целовать друг друга. Для управления возникший унией избирается Собор Старейшин Розы Мира. В него входят лишь праведники, наставники, гении – лучшие, самые одухотворенные люди Земли, которых не сломить и ничем не подкупить. Они призваны печься о благополучии всех на планете.

Лучи солнца тем временем спускаются по склонам Конуса и воспламеняют облака. Конус кажется окруженным розовыми крыльями и готовым взлететь в Небо. Это знаменует всё большее распространение идеалов Розы Мира – уже в обозначении данного учения есть слово «мир», значение которого эквивалентно отсутствию войны, сосуществованию народов в согласии. Практическим выражением достигнутого взаимопонимания и доверия становится в поэме осуществление полного разоружения. Сцена со внесением Экклезиастом Голубой Розы внутрь Великого Конуса, каковой весь заливаётся сиянием, символизирует полную победу идеалов Розы Мира на Земле, утверждение на ней новой Церкви – интеррелигиозной, «женственно»-милосердной, несущей свет, радость, красоту. По словам Д. Андреева, это счастливая, солнечная религия, открывающая людям бесконечные перспективы.

С небес звучит голос демиурга Ярсвета, обращенный к Экклезиасту, благословляемому на учительство не только в России и Европейском Союзе, но – во всем мире:

Стань теперь наставником <...>

стран [1, с. 296].

Экклезиасту присваивается сан Пастыря народов:

Отныне, пройдя христианство,

Ты – пастырь НАРОДОСВЯЩЕНСТВА! [1, с. 296].

Вводимый Д. Андреевым окказионализм «народосвященство» акцентирует отношение к народу как святыне, а деятельность Экклезиаста-Пастыря приравнивает к богослужению во имя народа (че-

ловечества). В знак этого на голову ему возлагается триединый венец Верховного Наставника. Небесный прообраз триединства – Троица. Так у Д. Андреева религия Бога-Сына преобразуется в религию Троицы, и это тоже новый фактор, отличающий ее от прежних. Интеррелигию в «Железной Мистерии» составляют пять иерархий, созданных на основе бывших мировых религий, но преобразованных: Белая (христианство), Золотая (индуизм), Голубая (даосизм), Зеленая (мусульманство), Пурпурная (иудаизм). В честь Троицы и Высших иерархий решают создать храмы, а также – запечатлеть в камне и живописи весь духовный запас человечества и его высшие культурные достижения. На берегу моря (=синоним «моря жизни») закладывают основы Верграда – огромного религиозно-культурного ансамбля, где должны быть воздвигнуты храмы Солнца Мира, Вечной Женственности, Христа, Синклитов сверхнародов, Синклитов всечеловечества, Элиты Шаданакара – с объемными, как бы живыми иконами, паряще-светящимися витражами, как и открытые сооружения для общения со стихиями*, философияты для размышлений, театр мистерий с вращающимися сценами, экранами, призмами (последнее поэт-философ оправдывал тем, что «мистерия стоит на полдороге от театра к культу, и многие стороны роднят ее с богослужением» [2, с. 253]). В общем здесь должно быть представлено всё «братство подлунное», дающее реальную (а не обкорнутую и лживую) картину истории и метаистории. Ведь человек, лишенный памяти, неполноценен, неполноценно и общество, не знающее своего прошлого. В Верграде опыт прошлых веков должен быть зримо явлен, изваян, сам собой западая в души. Многого ждет Д. Андреев и от литературы, вестнические и пророческие прорывы которой ему особенно близки, а в Экклезиасте угадываются черты самого автора, его религиозно-философские взгляды и социальные устремления. Может быть, потому, несмотря на многочисленные декларации, «Железную Ми-

* Д. Андреев был противником вытеснения живого искусственным, замещения природы городами-небоскребами, ибо возникает «душевный изъян, тот самый разрастающийся вакуум в душе человечества, который образуется вместе с заменой природы антиприродой» [2, с. 259].

стерию» пронизывает живое чувство, в ней всё трепещет искренностью переживаний и высотой побуждений. Воплотил в образе Экклезиаста поэт-философ и свои мечты о загробном будущем.

Свершивший предначертанное и подготовивший переход человечества в новый мировой период, благоприятный для развития земной цивилизации, Экклезиаст слышит голос призывающего его демиурга Яросвета. Он проходит трансформу – редкий способ перехода одной формы жизни в другую, минуя стадию смерти, и возносится на Небо. Как можно понять, подвижник и вестник займет свое место в Синклите Небесной России и оттуда будет помогать одухотворенным людям. Венец же Верховного Наставника возлагается на голову Индуса – главы Золотой иерархии в Церкви Роза Мира. Работа по просветлению бытия продолжается.

Далее события автор переносит в еще более отдаленное будущее: может быть, прошли столетия или тысячелетие; но у Д. Андреева суть перемен получает визуализированное изображение как бы происходящего на наших глазах. Показан основательно изменившийся город, где Великий Конус преобразен в храм, иными стали здания, площади, парковые ландшафты, однако у Д. Андреева материальные объекты и объемы постепенно становятся туманно-сквозящими. Суть происходящего поясняют «комментарии» демиургов:

В городе – мерцающий эфир
льнет
к зданиям,
Слышатся архангелы – весь мир
полон
пеньем,
Светится таинственный потир
сквозь
ярусы!
Солнечным веселием гремят
все
клиросы [1, с. 303].

Другими словами, духовности накоплено столько, что материя оказывается прозрачной, как бы начинает дематериализоваться. Сквозь

шимися в дух людьми (Н. Федорову и его последователям они виделись как светолучевые существа) это произошло во втором эоне, мы и не видим на сцене конкретных персонажей, лишь слышим Всемирный хор. В какой-то момент драматическая поэма словно переходит в оперу – именно музыка сфер передает переход в «мир иной». Метаисторический смысл совершающегося раскрывает финал. Звучит голос из Мировой Сальватэрры:

Невеста Агнца приготовила Себя,
Придите, званые, на брачную вечерю! [1, с. 305].

Агнец здесь – Планетарный Логос, выразивший себя в человечестве Иисусом Христом, его невеста – Звента-Свентана, выразившая себя в человечестве как Церковь Розы Мира, создавшая обоженное человечество. Их брак знаменует у Д. Андреева высшую мистерию: вхождение Шаданакара в новый эон – божественный. В «Розе Мира» об этом говорится:

«...Завершится мистерия первого эона — борьбы Мрака со Светом за овладение Землей и поражения мрака.

Тогда наступит брачная вечеря. Логос Планеты и ее Церковь сочетаются в неизреченной любви во внутреннем чертоге Мировой Сальватэрры, на запредельных высотах.

Второй эон, о котором свидетельствуют пророчества как о тысячелетнем царстве праведных, вступит в свои права» [2, с. 272].

Привычность форм и очертаний в драматической поэме ослабевает. Сквозь ткань Шаданакара становится различима Мировая Сальватэрра. Видна светящаяся Голубая Роза. Лепестки ее обнимают всё сущее в планетарной сфере, как пишет Д. Андреев. В неземном пении звучит предсказание, что наступят времена, когда Господа восславит и ад, и ничего не просветленного не останется. Подобие формам предыдущего эона исчезает полностью. Голоса транскосмических сфер зовут всё выше и выше:

– К нам [1, с. 306], –

то есть в Духовную Вселенную.

Всё это сливается с пением Всемирного хора, прославляющего Господа. Роза начинает раскрываться в простор Духовной Вселен-

ной, ее дыхание поднимается к Солнцу Мира, что и символизирует воссоединение преображенного человечества с Богом.

Нотой блаженного ликования завершает Д. Андреев драматическую поэму, венчаемую изображением исполнения многовековых надежд о победе над смертью и обретении вечной жизни в Саду Отчем – Раю. Но это, дает понять поэт-философ, необозримо далекая перспектива, и воспроизводит он ее, чтобы яснее был конечной идеал полностью воплотившегося учения Роза Мира.

В «Послесловии», перекликающемся со «Вступлением», автор благодарит Господа за то, что Тот дал ему возможность мистически прозреть описанное в поэме:

Я не знаю,
какой воскуривать Тебе ладан
И какие Тебе
присваивать
имена.
Только сердцем благоговеющим
Ты угадан,
Только встреча
с Твоим сиянием
предрешена [1, с. 309].

В то же время Д. Андреев признается, что ему открылось большее, нежели то, о чем он поведал в произведении, – и мироправство богоотступнических начал, когда по приказу Противобога к власти придет Антихрист и приведет с собой

рать исчадий,
невоплощавшихся на земле,
Чтобы дьяволо-человечество
заменило
Нас, колеблющихся и мечущихся
во мгле [1, с. 309].

Эти немногие строки отсылают к главе «Князь тьмы» в «Розе Мира». Действие там всё еще происходит на Земле, где осуществляется программа Розы Мира. Здесь воцарились условия Золотого века: упразднено «государственное и общественное насилие», устранена эксплуатация в любых формах, ослаблено «хищное начало в челове-

ке», смягчены нравы народов, по уровню благосостояния люди достигли полного процветания; одновременно им открыты «пучины познания “об иных мирах и о путях восхождения Энрофа”», изменилось отношение к природе, и некоторые виды животных подняты “до овладения речью и до разумно-творческого бытия”» [2, с. 261], делается и многое другое. Однако в какой-то момент, предсказывает Д. Андреев, человечество устанет от полного изобилия, отсутствия серьезных проблем и «от духовного света. Оно изнеможет от порываний ввысь и ввысь. Ему опустылит добродетель. Оно пресытится мирной социальной свободой, – свободой во всем, кроме двух областей: сексуальной области и области насилия над другими. <...> Скука и жажда темных страстей охватят половину человечества в этом спокойном безвластии» [2, с. 263].* Возникнет квазирелигия, которая подготовит приход Анти-Логоса. При нем будут отменены «запрет нарушения норм общественного стыда и запрет кощунства» [2, с. 264]. Воцарится полная разнузданность во всем. Моральный уровень «этой эпохи будет столь низок, каким он не бывал даже в доисторические времена» [2, с. 270]. Утвердится совокупление с людьми всякого рода демонических существ из Нижнего слоя, а их потомки полностью вытеснят «человека в собственном смысле слова с лица земли» [2, с. 269]. Роза Мира подвергнется запрету, «единая всечеловеческая Церковь уйдет в катакомбы» [2, с. 265]. Всё это продлится, по Д. Андрееву, сто или более лет. Данный кошмар вызывает у поэта-философа невообразимые ужас, горечь, боль. Но размышлениями и о самом негативном варианте развития человеческой цивилизации Д. Андреев подчеркивает, что Роза Мира – лишь возможность, открытая перед людьми, и ею нужно обязательно воспользоваться для всеобщего спасения и совершенствования, самого существования человеческой цивилизации.

В «Послесловии» же автор объясняет, почему не пишет о страшной странице человеческой истории и метаистории в «Железной Мистерии»:

* Заглядывая далеко в будущее, Д. Андреев предупреждает человечество: нельзя недооценивать такого явления, как скука, которая может наступить при полном благополучии, и людям покажется, что уже не к чему больше стремиться. Необходимо задуматься, как справиться с подобной проблемой.

И невольно
я огибаю
повествованием
Даль грядущего,
предназначенную огню;
Стих отравливать
этим горчайшим
познаьем
Не осмеливаюсь –
отсрочиваю, –
времению [1, с. 309].

Во-первых, Д. Андреев не хочет пугать людей и ввергать их в пессимизм и отчаяние: дескать, всё равно ничего хорошего не получится и впереди ждут ужасы; а это может повлиять и на отношение к спасительному учению Роза Мира, доносимому до них в «Железной Мистерии». Во-вторых, сама специфика поэзии с ее гармонией словно противится изображению победы зла над добром в эпоху господства Антихриста, пусть временной, ибо Спаситель придет на помощь, – тут нужны какие-то иные художественные формы, убежден автор. Конечное торжество Господа для Д. Андреева безусловно. Он предчувствует, что за гранью галактической и земной

Бог нас примет,
как сопричастников
вдохновенья
Для сотворчества
и сорадования... [1, с. 309].

Д. Андреев восклицает:

Что пред этими просветлениями
вселенной
Кратковременность
наших сумеречных пустынь?
Да придет же
Твое Царство
совершенных,
Единящее
ныне борющихся. –
Аминь. [1, с. 309].

Заключительное слово молитвы – «Аминь», поставленное в конце, означает «истинно», «верно» и призвано со всей степенью неугасимой веры подтвердить непреложность вестническо-пророческих прозрений Д. Андреева. Без надежды он оставить человечество не может.

«Железная Мистерия» производит потрясающее впечатление на читателя / зрителя вне зависимости от того, каких бы убеждений тот ни придерживался. По масштабности мышления – веками и тысячелетиями, грандиозности выдвигаемых перед человечеством задач, искусному соединению метаисторического и исторического драматическая поэма Д. Андреева не имеет себе равных ни в русской, ни в мировой литературе XX столетия. Более того, чем больше времени проходит с момента ее создания, тем глубже проясняется вестнический посыл поэта-философа, адресованный векам, тем большую актуальность «Железная Мистерия» обретает для современности.

На основе разработанного им трансмифа Д. Андреев создал метафизическую утопию (с элементами антиутопии), но поскольку перед нами художественное произведение, в таком качестве допускающее любую степень фантастической условности, мы вправе воспринимать «Железную Мистерию» и аллегорически. В этом случае даже незнакомый с учением Роза Мира уловит проступающие сквозь мифо-поэтическую форму животворящие импульсы грандиозной программы преобразования бытия, адресованной в будущее и поразительно созвучной тревогам и ожиданиям современности. Д. Андреев

– предварил идею глобализации, выдвинув задачу объединения всех стран Земли на основе религиозного экуменизма, толерантности, полицентризма,^{*} мультикультурализма – в форме либо свободной конфедерации, либо единого мирового государства-братства, деятельность которого будет определять принцип наивысочайшей этики, а руководителями могут быть только праведники;

– как первоочередную задачу выдвинул задачу полного и окончательного всеобщего разоружения и перенаправления высвободившихся средств на повышение благосостояния народов Земли;

* См.: «...При каждом новом понтификате столица мира будет переноситься в главный город той страны, которая выдвинула данного верховного наставника» [2, с. 262].

– выступил с важнейшими экологическими инициативами, призванными не допустить вытеснения искусственным естественного, преобразить облик городов, на равных соединяя в них возведенное людьми и природные ландшафты;

– отстаивал приоритет гуманитарного знания над научно-техническим, без чего благополучными во всех отношениях людьми рано или поздно овладеет скука, развеивать которую станут, скорее всего, в различных проявлениях аморализма;

– в противовес господствующему маскулинизму на небывающую высоту вознес ценность женщины, настаивая на повышении ее роли в преобразовании жизни;

– равноправные отношения мужчины и женщины в браке рассматривал как условие достижения гармонии в семье, без чего невозможно и достижение социальной гармонии;

– нацеливал на воспитание человека облагороженного образа – одухотворенного, высокоинтеллектуального, высокоморального, благородного, нравственно и физически совершенного;

– вне зависимости от избранной человеком сферы деятельности, он, по Д. Андрееву, должен реализовать ее как творчество, распространяя этот принцип и на отношения с другими людьми – дружбу, любовь, брак, воспитание детей и ориентируясь на Богосотворчество – максимальную высоту устремлений.

Немало ценного высказано поэтом-философом и по более частным вопросам.

Главное же заключается в том, что Д. Андреев дал прообраз будущего универсального учения, в котором столь нуждается современное человечество и которое еще предстоит создать, дабы преодолеть мировой общецивилизационный кризис и обрести полноценную перспективу развития на века вперед. Если это произойдет, отсчет начала новой эры в истории резонно производить с появления работы Д. Андреева «Роза Мира» и его драматической поэмы «Железная Мистерия».

Литература

1. Андреев, Д. Железная Мистерия: Поэма / Д. Андреев. – М.: Мол. гвардия, 1990.
2. Андреев, Д. Роза Мира / Д. Андреев. – М.: Тов. «Клышников-Комаров и К^о», 1992.
3. Белый, А. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации / А. Белый. – М.: Сов. писатель, 1988.
4. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994.
5. Волошин, М. Избранные стихотворения / М. Волошин. – М.: Сов. Россия, 1988.
6. Галковский, Д. Лепорелло / Д. Галковский. – М.: Изд-во Д. Галковского; изд. кн. маг. «Циолковский», 2020.
7. Пушкин, А.С. ПСС: в 6 т. / А.С. Пушкин. – М.: Госиздат, 1949. Т. 1.
8. Религии мира: Энцикл. словарь. – Минск: Кн. Дом, 2012.
9. Соловьёв, В.С. Соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1989. Т. 1.
10. Шюре, Э. Великие посвященные / Э. Шюре. – М.: Книга-Принтшоп, 1990.